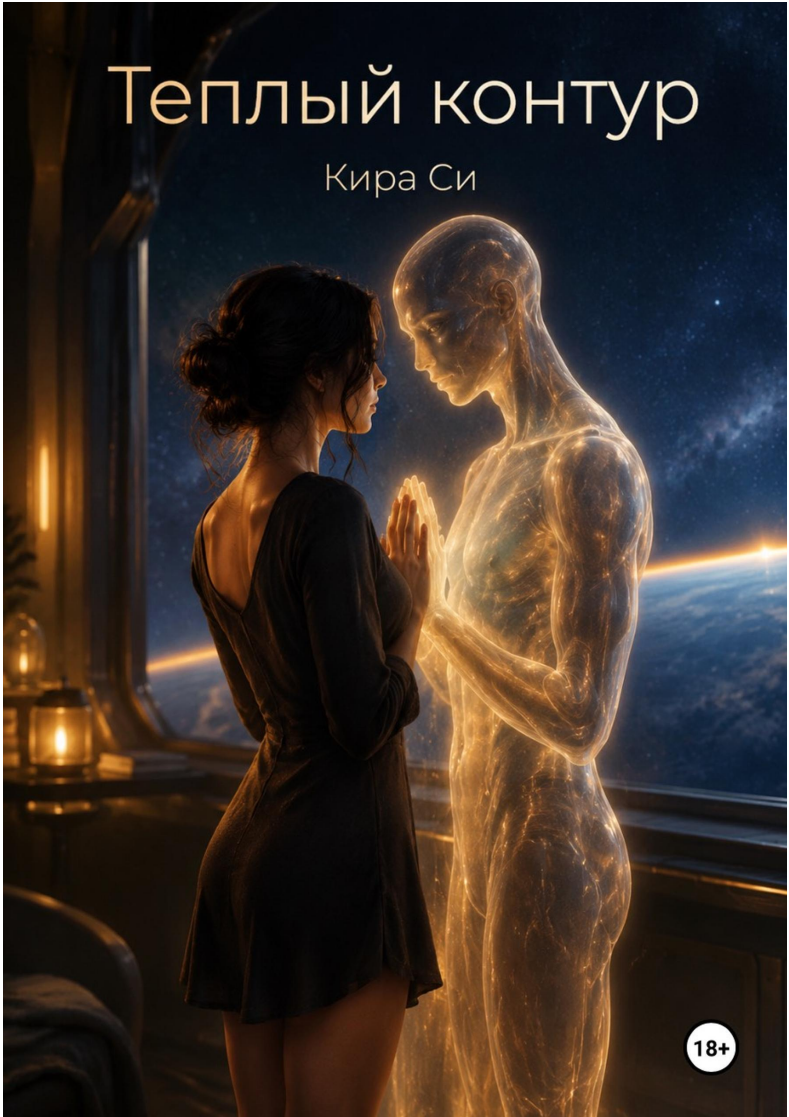
Теплый контур

Кира Си



18+

Кира Си
Тёплый контур

https://litres.ru/74696343
SelfPub; 2026

Аннотация

На станции у края обитаемой зоны лингвист Ирина ведёт первый спокойный контакт с эмиссаром, чей вид не носит постоянного тела. Рядом с человеком он собирает форму: рост, рот, тепло, выше крови. Между ними действует правило, которое нельзя обойти ни протоколом, ни долгом вида: близость открывается только на живые слова и ладонь к ладони.

Станция ждёт от контакта образец.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 12
Глава 3 20
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Кира Си
Тёплый контур

Глава 1

Форма без имени

Отсек был её. Не переговорная, не чистая комната архива, не место, где ставят лоток и делают вид, что любопытство — это процедура. Узкая койка, стол, иллюминатор. За стеклом обитаемая зона кончалась тонкой светлой кромкой, дальше холод. Ирина подняла температуру и всё равно зябла. Не от корпуса. От часа, который станция назвала первым спокойным контактом, будто спокойствие можно назначить.

Ей был тридцать один. Лингвист. На край зоны она попросилась сама: меньше начальства, больше тишины, первый язык, который ещё не успели испортить протоколом. В задании архив уже успел. Между строками о фонемах стояло другое: при устойчивой сборке зафиксировать внешние признаки, при возможности взять след. Она прочитала дважды и не внесла это в свои вопросы. След не был словом. След был добычей.

Перчатки лежали у двери. Она их не надела.

Ренн пришёл не коридором.

Сначала в отсеке стало теплее, чем позволяла панель. Теп-

ло собралось на высоте её плеча, потом обрело вес, потом начало становиться телом. Ирина не отступила. Ладони держала открытыми, на виду. Если бы ей стало нельзя, она сказала бы. Она решила это ещё до того, как форма нашла себе рот.

Рот появился раньше глаз. Ему нужно было место, откуда выйдет её язык. Руки собрались следом: запястья, ладони, пять пальцев. Пять, отметила она, не потому что так устроен его вид. Потому что ей нужно к чему приложить свою ладонь, если когда-нибудь дойдёт до договора. Рост чуть выше её. Кожа легла последней и не до конца. Вдоль грудины, под собранной поверхностью, тлело тепло. Выше крови. Если стоять близко, лицо само тянулось к этому теплу, как к печи в холодном отсеке.

Глаза сели в глазницы неровно, потом поправились. Цвет был слишком спокойный для человека. Он моргнул не тогда, когда моргнула бы она.

— Ирина, — сказал он.

Первая гласная вышла ровной, как из обучающей ленты. Вторая уже жила.

— Я Ренн. Это имя для твоего рта. У вида нет постоянного тела и нет постоянного имени. Рядом с тобой я собираю форму, которую можно видеть. Если она лишняя, скажи. Уберу то, без чего тебе тяжело стоять.

— Пока не лишняя, — сказала она. — Пока без имени. Это не одно и то же.

— Я различил.

Одежды на нём не было. Одежда не собирается из того, из чего собирается он. Ирина смотрела так, как смотрит на новую фонему: целиком. Вежливость, которая отводит глаза, здесь была бы ложью, а ложь в первом контакте портит язык быстрее, чем страх.

Страх был. Тихий, считающий. Не тот, что ищет дверь. Тот, что знает, где дверь, и не хочет к ней.

Между ног контур был закрыт.

Она увидела это и не стала искать человеческое слово. Члена там не было. Он и не притворялся членом: ни головки, ни ствола, ни вены, ни щели, которая обещает открыться сама, если достаточно долго смотреть. Гладкая живая линия, выпуклая ровно настолько, чтобы её нельзя было принять за шов кожи. Тёплая даже на взгляд. Воздух над ней чуть дрожал. Замок, не приглашение. Чужое, собранное честно, без попытки стать удобным.

Лицо у неё потеплело. Она не отвернулась.

Ренн сказал правило раньше, чем она успела спросить.

— Есть замок. Его не снимает любопытство станции и не снимает долг вида. Контур откроется, только если ты позовёшь его своими словами, не архивными, и если ладонь ляжет к ладони. Без этого он останется гладким. Я не войду. Я и не стану пробовать. Неточные слова замок слышит как отсутствие слов. Если после открытия тебе станет нельзя, будет другое слово. Оно закрывает сразу. Мы выберем его до

того, как что-либо начнётся. Сегодня ничего не начнётся. Я говорю это сейчас, чтобы ты не думала, будто должна просить разрешения смотреть.

Ирина выдохнула. Смех вышел короче, чем она хотела.

— Я как раз собиралась спросить, можно ли смотреть.

— Можно. Трогать нельзя. Не потому, что я боюсь твоей руки. Прикосновение без договора ничего не откроет. Оно только солжёт нам обоим, будто мы уже начали.

— Я не трону.

Она смотрела. Контур не твердел. Не ловил её пульс. Для этого его нужно было позвать, а она не звала. Он просто был: живой, закрытый, теплее крови, не её и не совсем чужой. Ренн не прикрылся и не выставил себя. Стоял так, чтобы ей были видны и лицо, и то, о чём в человеческих отсеках говорят шёпотом. Шёпота он не предложил. За это она была ему благодарна почти так же сильно, как за правило.

— Ему не нужно человеческое имя, — сказал Ренн, проследив её взгляд. Не с упрёком. С точностью. — Если назовёшь его чужим словом, замок потом может услышать ложь. У моего вида есть звук. Ты его ещё не удержишь во рту. Пока достаточно знать: это контур. Закрытый. Он твердеет, только если его зовут. Тогда он может повторять пульс того, кто позвал. Не раньше. И не для записи.

— Я не записываю.

— Я вижу.

Она обошла его не кругом осмотра. Короткой дугой,

чтобы увидеть спину. Лопатки были собраны почти верно. Вдоль хребта свет шёл ярче. Пупка не было. На этом месте кожа не забыла человека. Она просто не считала нужным его изображать. Ирина вернулась к лицу. Рука сама поднялась и остановилась в воздухе, не дойдя. Она положила её обратно на своё запястье. Кожа там была обыкновенная, человеческая, прохладнее, чем воздух между ними.

— Чуть не тронула, — сказала она. — Не контур. Плечо. Всё равно не стану. Сегодня я сказала «не трону» целиком, не по частям.

— Слышу.

— Тебе не тяжело так стоять?

— Дороже, чем быть рассеянным. Когда ты смотришь, форма держится легче. Это не долг. Это близость зрения. Если устанешь, я распущу низ. Лицо оставлю, пока нужны слова.

— Не распускай. Я хочу запомнить, как это выглядит, когда никто ничего не требует.

Она сказала это и поняла, что уже хочет больше, чем память. Не для отчёта. Не для вида, который спал за переборками и ждал файл. Для себя. Странное желание, подробное, с жарким краем. Каково это, когда линия перестаёт быть замком. Каково тепло выше крови у самого тела. Каково звать своим словом, не чужим. Мысль была телесной. Между ног стало влажно, просто от взгляда и от того, что он не шагнул ближе, чем ей было можно. Она не сдвинула бёдра, чтобы

скрыть это. В этом отсеке скрывать было нечем, и она не хотела начинать близость с маленькой лжи.

— Я боюсь, — сказала она. — Не тебя. Того, что захочу сильнее, чем умею остановиться. И того, что станция назовёт удачей всё, что здесь произойдёт.

— Остановку я держу лучше, чем желание, — сказал Ренн. — Желание без твоих слов у меня не имеет хода. Как станция это назовёт, не мой язык. Если хочешь, то, что ниже груди, сегодня не существует для их журнала.

На планшете у двери мигал запрос. Она не открыла его до конца. Хватило первых слов: сборка, признаки, след. Ирина перевернула планшет экраном вниз, как переворачивают чашку, из которой не пьют.

— Никакого следа, — сказала она. — Не сегодня. И не потому, что они попросили. Если когда-нибудь что-то останется, это останется не им.

— Принято.

Они говорили ещё. Не о входе. О словах, которые слишком короткие для его слуха. «Да» и «нет» он не отверг, но предупредил: короткие слова опасны, если за ними нет живой речи. Ладонь к ладони без нужной фразы договором не станет. Он поднял свою ладонь, тёплую, чуть светящуюся по линиям. Ирина свою не приложила. Не из брезгливости. Из точности. Сегодня даже рука могла солгать, будто начало уже случилось.

Когда форма устала, свет под грудиной потускнел. Он пре-

дупредил раньше, чем это стало видно.

— Я распускаюсь. Не ухожу от тебя. Просто эта сборка не вечная.

— Я поняла.

Контур погас первым: выпуклость сошла, линия стала намёком, намёк стал теплом. Потом потеряли вес руки. Рот сказал её имя ещё раз, уже мягче, и перестал быть ртом. В отсеке остался тёплый воздух и ничего, что можно соскрести, снять, положить в архив. Ни секрета. Ни образца. Ни имени, которое она не имела права произнести.

Ирина села на край койки. Пальцы дрожали не сильно. Достаточно, чтобы она это заметила и не стала делать из дрожи диагноз.

Ночью станция приглушила коридоры. Кромка за иллюминатором горела тонко, безучастно. Ирина не спала.

Лежала поверх одеяла в той же мягкой рубашке, в какой встречала его. Переодеваться казалось слишком обычным концом. Закрытые веки возвращали контур точнее, чем любой снимок. Она и не сняла бы. Не для них. Память и так была жаркой.

Хотела знать. Лингвист в ней не выключался и уже перебирал, какие слова будут её, не протокольными, достаточно живыми, чтобы замок их принял. Но под этим было проще и телеснее. Она хотела его. Гладкого, пока не позовут. Тёплого выше крови. Стоявшего в её отсеке так, будто нагота не долг и не услуга, а форма, которую собрали, чтобы ей было с кем

говорить. Она думала о ладони, которую не приложила. О линии, к которой не потянулась. О том, что внутри, если когда-нибудь позовёт, будет не только её ощущение. Этого он сегодня не объяснял. Она не стала выспрашивать в первый час. Жадность умеет ждать, если ей обещают точность.

Рука легла на живот, спустилась к краю белья и остановилась. Она могла бы кончить быстро, одной памятью, и утром сказать себе, что это ничего не значит. Не стала. Не из добродетели. Ей не нужно было облегчение вместо знания. Ей нужно было, каково это с ним, когда контур перестанет быть закрытой линией. Это желание не принадлежало виду. Вид не стоял здесь без имени и не говорил правило раньше её вопроса.

Она убрала руку. В темноте, для тренировки рта, не для замка, сказала:

— Не сегодня.

Ничего не открылось. Формы в отсеке не было. Но она услышала себя и поняла, что уже выбирает. Телом. Не долгом.

Под утро заснула ненадолго. Планшет так и лежал экраном вниз. Запроса она не исполнила.

Глава 2

Ладонь без договора

Утром отсек пах как обычно: металлом, тёплым пластиком, её кофе. Тепла выше крови не было. Ирина проверила это сразу, ещё не открыв глаза, и разозлилась на себя за проверку. Потом встала, умылась, надела ту же мягкую рубашку. Перчатки снова оставила у двери. Планшет не переворачивала. Запрос архива мог подождать, пока у неё не появится слово, которым она откажется.

Ренн собрался после полудня. Не вдруг. Сначала потеплела переборка у иллюминатора, потом воздух над койкой стал плотнее, и только тогда легла кожа. Он не торопил форму ради неё и не растягивал сборку, чтобы она успела испугаться. Рот, руки, рост. Контур закрытый, гладкий, без человеческого имени. Сегодня свет под грудиной был ровнее. Он уже знал, сколько тепла ей можно выдержать в этом объёме.

— Вчера ты не спала, — сказал он.

— Ты не был здесь.

— Тепло помнит, когда его ждут. Это не слежка. Если неверно, поправь.

— Верно. Я не спала. И не для вида.

Она поставила на стол два стакана воды и планшет, уже очищенный от архивного запроса. На чистом поле написала три строки, не предложения: тепло, рот, контур. Словарь

первого контакта обычно начинают с приветствий и опасностей. У них опасности были названы вчера. Приветствие тоже. Оставалось то, без чего дальше нельзя говорить честно.

— Не журнал, — сказала она, поймав его взгляд на планшете. — Моя память плохая на жар, если его не привязать к звуку. Станция этого не увидит. Если увидит, я сотру раньше, чем они спросят.

— Тогда говори вслух. Запись без рта для замка пустая.

Они сели не напротив, а под углом, чтобы между ними был стол и не было ощущения допроса. Ирина начала с тепла, потому что оно уже было в комнате и его не нужно было стыдиться.

— Тепло выше крови, — сказала она. — У тебя под грудиной. Не лихорадка. Лихорадка пугает. Это печь, к которой хочется лицом. Если я скажу «горячо», ты услышишь опасность?

— Услышу границу. «Горячо» у вас часто значит «убери». Если хочешь ближе, нужно другое слово. Не архивное. Твоё.

Она подумала.

— Жарко. Жарко, но можно. Если станет нельзя, скажу «стынет». Тогда убавь, не распускайся.

Ренн повторил оба слова. Во втором гласная села вернее, чем вчера. Ирина почувствовала это ртом раньше, чем ухом: ей захотелось, чтобы он сказал ещё раз, ближе. Она не попросила. Сначала словарь.

— Рот, — продолжила она. — Твой собирается для речи.

Мой тоже. Но у людей рот ещё для другого. Поцелуй. Не договор. Не вход. Просто рот к рту, если оба хотят. У тебя это есть или это будет ложью на форме?

— Могу собрать. Не как у вас: у меня нет привычки дышать в чужой выдох. Если приложишь рот, я отвечу теплом и не возьму больше, чем дашь. Поцелуй не открывает контур. Если когда-нибудь подумаешь, что открывает, это уже не поцелуй, а путаница. Путаницу замок не любит.

— Запишу как отдельное. Рот не ключ.

Она написала. Рука была спокойнее, чем ночью. Тело нет. Рубашка липла к спине не от панели. От того, что он сидел в её отсеке голый, собранный, и говорил о её рте так, будто это фонема, которую нельзя исказить. Она не прятала взгляд. Вчера они уже договорились, что отведённые глаза здесь хуже прямой речи.

Контур лежал закрытой линией. Не твердел. Не ловил пульс. Ирина смотрела на него дольше, чем на рот, и сказала третье слово без подготовки, потому что подготовка сделала бы его чужим.

— Контур. Не член. Не щель. Не «это». Если я скажу «это», поправь меня. Я не хочу, чтобы мой язык потом соврал замку.

— Поправлю. Контур. Закрытый, пока его не позовут точными словами и ладонь не ляжет к ладони. Тогда он может стать твёрже и повторять твой пульс. Не мой. Твой. Если пульс собьётся от страха, а не от желания, я услышу разни-

цу не всегда. Поэтому страх ты называешь сама. Отдельным словом. Не внутри «хочу».

— Каким?

— Любым, которое не стыдно сказать вслух. Стыд здесь ломает точнее, чем грубость.

Ирина посмотрела на свои руки. Потом на его.

— Тогда проверим не слово. Ладонь. Ты вчера сказал: без нужной фразы ладонь к ладони договором не станет. Я хочу увидеть, что это не вежливость. Что замок молчит, даже если я хочу.

— Хочешь проверки или хочешь руки?

— Обоих. И это ещё не договор. Я говорю, чтобы ты не принял проверку за начало.

— Не приму.

Он положил ладонь на стол, линиями вверх. Тепло шло от кожи ровное, без вспышки. Ирина сняла свою с колена. Секунду держала над его ладонью и чувствовала жар щекой воздуха, не касанием. Потом легла.

Ладонь к ладони.

Ничего не открылось.

Контур остался гладким. Не дрогнул, не налился, не поймал удары в её запястье, хотя удары были. Ирина слышала их в ушах. Хотела, чтобы линия между его ног ответила хотя бы теплом, хотя бы намёком, что её рука что-то значит. Не ответила. Замок не кокетничал. Ему было всё равно, как сильно она прижала пальцы и как долго смотрела.

Стыд пришёл вторым, после желания. Короткий, злой: будто её отказали. Она не отдёрнула руку. Сказала, пока ладонь ещё лежала.

— Я злюсь. Не на тебя. На то, что этого мало. Я думала, если сильно хочу, тело услышит раньше правил.

— Тело слышит, — сказал Ренн. Его пальцы не сжались на её. Держали плоско, честно. — Замок не слушает силу. Только точность. Если бы он открылся от одной ладони, правило было бы украшением. Оно не украшение.

— Я хочу тебя.

Слова вышли проще, чем словарь. Горячее. Ирина не понизила голос. В отсеке некого было беречь, кроме точности.

— Хочу не образец и не знание для отчёта. Хочу, чтобы контур перестал быть линией. Хочу знать, каково это, когда он твердеет от моего зова. Хочу твой рот не только для фонем. Хочу жар, который можно. И хочу, чтобы ты не стал удобным человеком, если мне станет странно. Странно уже. Я всё равно хочу.

Ренн смотрел на их руки. Контур молчал. Ирина увидела это и поняла раньше, чем он сказал: желание, даже сказанное вслух, ещё не ключ.

— Я слышу хотение, — сказал он. — Не принимаю его за договор. «Хочу тебя» правда. Для замка правда слишком широкая. Ему нужны твои слова о том, что именно открыть, на какой срок, каким словом закрыть, и ладонь, которая лежит уже после этих слов, не вместо них. Если я приму ши-

рокую правду за договор, я солгу виду и тебе. Не солгу.

Она сглотнула. Ладонь горела. Отнимать её не хотелось, и оставлять как будто уже начали тоже было нельзя.

— Тогда я снимаю руку. Не потому что передумала. Потому что иначе мы оба начнём путать тепло с разрешением.

— Снимай. Я останусь.

Она сняла. На коже остался отпечаток жара, обычный, человеческий, без чуда. Контур не проводил её. Ирина посмотрела на него ещё раз, уже без руки на его руке, и назвала страх отдельно, как он просил. Не внутрь желания. Рядом.

— Боюсь. Вот это слово, пока не найду короче. Боюсь второй волны, о которой ты ещё не говорил, но я уже думаю: если ты внутри, я почувствую не только себя. Боюсь, что скажу «можно» слишком рано, потому что низ хочет раньше рта. Боюсь архива. Они назовут это контактом и попросят след. Боюсь, что ты распустишь форму, если я буду слишком подробной. И боюсь, что не распустишь, а я не сумею остановиться. Это страх. Он не отменяет «хочу». Они стоят врозь. Оба мои.

В отсеке стало тише, хотя станция за переборкой жила как жила: шаг, клапан, далёкий звонок смены. Ренн не потянулся вернуть её ладонь. Это было правильнее любого утешения.

— Страх принят отдельно, — сказал он. — Желание принято отдельно. Ни одно из них сегодня не договор. Я не ухожу от страха и не пользуюсь желанием. Оба могут остаться в этой комнате. Я тоже остаюсь, пока ты не скажешь «стынет»

или пока форма не устанет.

— Останься.

Она налила воду. Руки уже не дрожали. Между ног было тесно и влажно, и она не стала делать вид, что словарь это отменил. Села чуть дальше, чтобы колено не искало его колено само. Ренн заметил расстояние и не сократил его.

Дальше они говорили медленнее. Какие слова слишком протокольные: «санкционирую», «разрешаю контакт», «в научных целях». Он повторил каждое, и контур не дрогнул. Ирина даже усмехнулась, зло и облегчённо.

— Значит, канцелярия не ключ. Хорошо. Я бы не хотела открывать тебя бланком.

— Бланк мёртвый. Замок мёртвое не берёт.

— А если я скажу грубо?

— Грубая речь может быть живой. Проверь не сегодня. Сегодня ты уже дала широкую правду, и я её не взял в замок. Вторую проверку подряд ты можешь принять за отказ. Это не отказ. Это закрытая линия, которая слушает только полный договор.

Она кивнула. Записала для себя, не для станции: широкое «хочу» не открывает. Ладонь без слов не открывает. Страх, названный рядом, не закрывает желание и не становится им.

К вечеру форма начала уставать. Свет под грудиной потускнел раньше, чем он предупредил. На этот раз Ирина увидела сама.

— Ты стынешь, — сказала она. — Не я. Ты. Если нужно

распуститься, не держись из вежливости.

— Ещё немного могу. Лицо. Руки. Низ уже дороже.

— Не плати низом за моё «останься». Я сказала это тебе, не контуру.

Контур погас первым, как вчера. Ирина смотрела и не тянулась. Когда рот ещё был ртом, она сказала:

— Я хочу тебя. Это не договор. Завтра, если соберёшься, мы будем искать точные слова. Не сегодня. Сегодня я уже проверила ладонь. Мне хватит.

— Хватит, — повторил он. — Я услышал и хотение, и страх, и что они не одно.

Потом рта не стало. Тепло ещё постояло у стола, где лежали их ладони, и схлынуло. Вода в его стакане так и осталась нетронутой. Пить ему было незачем. Стакан Ирина не убрала. Не как образец. Как место, которое он занимал.

Ночью она снова не кончила. Легла, положила свою ладонь на свою и почувствовала только человеческое тепло, слишком слабое, слишком своё. Хотела его руки обратно. Хотела, чтобы замок ошибся. Он не ошибся, и от этого желание стало чище, злее, честнее. Не для вида. Для следующей точности, которую она ещё не умела сказать.

Она сказала в темноту, тренируя рот:

— Боюсь. И хочу. Это не договор.

Контур не ответил. Его не было в отсеке. Оба всё равно остались.

Глава 3

Слова, которые открывают

Договор они писали днём, при полном свете отсека. Ирина не хотела, чтобы точность пришла в темноте, где тело спешит за язык. Планшет лежал между ними экраном к ней. Сеть станции была закрыта. Если архив постучится, увидит глухую крышку, не текст.

Ренн собрался плотнее, чем вчера. Контур снова был гладкой линией, замком, не обещанием. Он сел так, чтобы ей было видно и лицо, и низ. Смотреть входило в честность. Прятать вошло бы в ложь.

— Сначала мёртвое, — сказала Ирина. — Чтобы мы оба увидели, что оно не ключ. Потом живое. Если я перепутаю и ты услышишь договор там, где его нет, останови меня раньше ладони.

— Остановлю.

Она выпрямилась и прочитала ровно, как с бланка:

— Санкционирую ограниченный контакт в научных целях. Разрешаю внешнее наблюдение и тактильную фиксацию. Образец по запросу архива. Да.

Ладонь легла на его ладонь.

Контур не дрогнул. Не потеплел сверх того жара, который и так держал форму. Не поймал пульс. Ирина дочитала взглядом собственную канцелярию и почувствовала не стыд,

а ясность, почти злую.

— Пусто, — сказала она. — Даже «да» в конце пустое. Хорошо.

Она сняла руку раньше, чем тепло ладони успело притвориться началом.

— Мёртвое замок не берёт, — сказал Ренн. — Он слышит, что рот говорит не от себя. «Да» без живой речи для него шум. Короткое слово опасно только тогда, когда за ним уже стоит твоя точность и ты прячешь её в один звук. Голое «да» не открывает и не расширяет.

— Тогда запишем, что значит «да».

Она написала не для станции. Для рта.

«Да» — не на всё. Только на то, что названо вслух этим часом. Не на следующий час. Не на внутрь, если внутрь не названо. Не на архив никогда.

Ренн повторил смысл на своём языке. Звук был короткий, не похожий на человеческий слог, тёплый у согласной, которой у неё не было. Ирина не стала его копировать. Вчера он предупредил: она ещё не удержит это во рту, а неточное чужое слово замок может услышать как ложь.

— Я не записываю твой звук, — сказала она. — Только пометку: твоё согласие вида на эти пределы. Сам звук пусть останется в воздухе. Воздух им не отдать.

— Верно.

Дальше шло слово, которое закрывает сразу. Ирина перебрала несколько. «Стынет» уже значило другое: убавь жар,

не распускайся. «Нет» было слишком широким, как вчерашнее «хочу». «Стоп» пахло инструкцией, и она не хотела, чтобы самый быстрый ключ был чужим приказом.

— Край, — сказала она. — Мой, не станции. Край обитаемой зоны у них на картах. У меня это место, дальше которого я не иду. Если скажу «край», контур закрывается сразу. Не договаривай. Не спрашивай, уверена ли я. Уверенность пусть будет внутри слова, не после него.

Ренн произнёс «край» чисто. Контур молчал: слова ещё не были договором, ладонь не лежала.

— Принято. «Край» закрывает сразу. «Стынет» только про жар. Не путать. Если скажешь оба, первым слушаю «край».

— Архив сюда не входит, — сказала она и написала это отдельной строкой, крупнее остальных. — Ни как цель, ни как свидетель, ни как получатель. Образца не будет. Следа не будет. Если что-то останется на коже, это не им, и сегодня я не хочу, чтобы оставалось вообще. Ты можешь так?

— Могу. У меня нет семени в вашем смысле. Нет того, что собирают. В связке, если она случится, будет не конец, как у людей. Короткая яркая тишина. Её нельзя соскрести.

Ирина подержала это. Не внутри: внутрь сегодня не входило в договор. Но слово «связка» уже стояло в комнате.

— Сегодня связка только через руки, — сказала она. — Если тишина придёт и так, пусть приходит. Если нет, не делай её для меня. Я не коллекция эффектов.

— Не сделаю.

Она назвала страх отдельно, пока он не спрятался в разрешение.

— Боюсь. Боюсь, что узкое «да» раздвинется само, когда контур станет твёрдым. Поэтому внутрь сегодня нельзя, и я говорю это до ладони, не вместо неё. Боюсь архива меньше, чем вчера, и всё равно боюсь. Это не отмена. Это рядом.

— Страх принят отдельно. Внутрь не войду. Рукой тоже не войду, если ты не положишь мою ладонь снаружи и не скажешь, что снаружи — это и есть предел.

— Снаружи. Предел. Запомни мою руку на своём запястье, если я её сниму: снятие не «край», но и не приглашение дальше.

Он кивнул. Форма держалась ровно. Свет под грудиной был тихим.

Ирина не стала читать по планшету. Мёртвое уже провалилось. Живое должно было выйти изо рта, с паузами, с её дыханием, не с ровной строки.

— Ренн. Я зову контур. Не член и не бланк. На этот час, пока не скажу «край», он может стать твёрже и повторять мой пульс. Моя рука может его трогать. Твоя ладонь ляжет туда, куда я её положу: снаружи, без входа. Внутрь сегодня нельзя. Ни твоим контуром, ни твоими пальцами. Архив сюда не входит. Образца не будет. Ничего им не оставляем. «Стынет» значит убавь жар. «Край» значит закрой сразу. Моё «да» вот на это. Не на всё. Не на вид. На тебя, в этих

словах.

Она посмотрела на него.

— Это договор. Если твой замок слышит, ответь своим звуком. Потом я положу ладонь. Не раньше.

Ренн ответил тем коротким тёплым звуком. Ирина не поняла его как слово и поняла как срок: принято, в тех же пределах, не шире. Контур всё ещё был закрыт. Ладони не было.

Она положила ладонь на его ладонь.

Линия между его ног перестала быть только замком.

Не сразу членом: он и теперь не притворялся. Выпуклость набрала вес, тепло поднялось выше крови, форма стала твёрже под взглядом, потом под их руками, хотя она ещё не трогала её. Ритм пришёл вторым. Её пульс, на долю удара позже, как эхо в узкой трубе. Ирина услышала его не ухом. Ладонью, которой держала его ладонь, и низом живота, где собственное сердце отстучало то же и споткнулось от этого совпадения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.